

«Катись! Уходите. Все двигайтесь ...»

Используя Цао Дунфэна в качестве заложника, Джиминг с которого все еще шла кровь пошатнулся, как будто сошел с ума. Он разрезал веревки Шаши кинжалом, а затем отступил назад в область лесозаготовок. Фарфороподобная японская девушка также воспользовалась этой возможностью, чтобы отчаянно шатаясь отправиться в сторону Джиминга. Несмотря на то, что каждый шаг, который она делала, заставлял ее чувствовать огромную боль, и казалось, что каждая часть ее тела проколота иглами, но выражение на ее кукольном лице оставалось неизменным. Она знала, что это ее последний шанс, чтобы убежать, поэтому она сделает все, чтобы последовать за ним.

С другой стороны, Шаша тоже следовала за ним, беспокоясь о состоянии, в котором находился Джиминг. Синай не попадал по его лицу, но кровь все еще капала изо рта, его глаза были полностью налиты кровью. Обычно он был робким мальчиком с честной улыбкой, но сейчас он истерически кричал. Должно быть, это из-за страха и большой боли, иначе как он мог бы проявить такое мужество?

Когда они были в доме Лиджинг, отец Е часто хотел заставить Джиминга начать учиться боевым искусствам. Тем не менее, Джиминг отказывался и предпочитал быть сусликом, который приносил бы напитки и полотенца. Если бы у него не было других вариантов, он бы сделал несколько позиций, и его поза всегда была точной. Когда он был вынужден сражаться, никто не мог победить его, потому что он бегал вокруг арены, как вьюн. По словам отца Е, он был достаточно талантлив для обучения методам ведения боя, поскольку мог выполнить полный и красивый набор, но он просто не знал, как применять их к бою.

Что касается того, что произошло именно сейчас, из нескольких движений, которые он совершил, было совершенно очевидно, что они были различными приемами, которым учил отец Е: вступить в контакт, схватить человека и уклониться - все произошло за один ход со скоростью, за которой даже извращенный старый японский человек не мог последовать. Однако, когда Шаша была рядом с ним, она могла ясно видеть слабую дрожь, которая проходила через его руки и тело.

«Все вы, отойдите дальше - кашель, кашель ...»

Голос мальчика казался слегка исступленным, и, закончив приговор, он выкашлял еще один глоток крови. Из-за его кашля, кинжал вошел немного глубже в Цао Дунфэна. Он истерически воскликнул: «Отступи! Отодвинь это! Он собирается ударить меня! Он убьет меня!»

Многочисленные сердито выглядящие подчиненные остановились на словах Цао Дунфэна, а затем медленно разделились образовав полукруг. Цао Цзинхао громко закричал: «Брат, не делай ничего сумасшедшего. Если ты посмеешь причинить ему боль, я убью твою семью!»

«Нет, я убью твою семью!»

Цао Цзинхао едва закончил говорить, прежде чем Джиминг сердито закричал: «У тебя есть яйца, чтобы угрожать мне, и сейчас я закончу твою родословную!»

«Ладно, ладно. Это моя вина, я не буду говорить этого снова. Ты хороший мальчик, пожалуйста, расслабься, не действуй слишком поспешно ...»

Цао Цзинхао поспешно изменил свой тон. Он привык приказывать окружающим, но понял, что

на этот раз у его противника был заложник. Если бы он был взрослым, то он мог бы договориться с ним, но потому, что этот ребенок казался полусумасшедшим, если он слишком сильно надавит, все могло произойти.

Держась за заложника, они отступили от двух коротких зданий в задней части лесозаготовительного двора - на заборе, отделяющем двор от леса, были небольшие ворота. Шаша подумала, что было бы лучше уйти с открытой местности, но она подумала, что Джиминг сейчас не мог бы об этом подумать. Теперь они были наполовину окружены хулиганами с ножами в руках, и им не удастся просто так пройти сквозь них. Она снова посмотрела на Джиминга и почувствовала, как ее сердце сжалось. Они всегда с Линджинг защищали его, но теперь, когда они были в этой ситуации из-за нее, его пытали. Однако, видя, как он действует и пытается так сильно ее защитить, глубоко в ее сердце, она почувствовала, что это было мило.

Несколько человек пробежали через ворота и ждали у деревьев. Когда Джиминг увидел это, он вдруг заорал: «Вам не разрешено двигаться! Не следуйте за нами!»

«Это невозможно, пожалуйста, подумай о нас». Цао Цзинхао старался говорить так нежно, как только мог: «Если ты сбежишь из поля зрения, что, если ты убьешь моего сына? Я должен следить за тобой ...»

«Твой сын заслуживает смерти!» Джиминг продолжал кричать: «Однако я не уйду, я позволю тебе посмотреть на него. Но Шаше нужно убежать, она должна! Я должен убедиться, что Шаша убежит, прежде чем я его отпущу!»

«Хорошо, Шаша может уйти, но я должен видеть, что мой сын в безопасности. И та другая девушка ...»

«Она не моя забота, но если кто-то посмеет приблизиться к нам, я убью его!»

«Ладно, ладно. Мы не будем двигаться, я также поговорю с г-ном Цукичи ...» Он попросил переводчика сказать японскому старику не делать никаких неожиданных шагов. Старик только тихо вздохнул, но не предпринял никаких действий.

Под наблюдением хулиганов, их четверка медленно отступила в лес, и в конце концов остановилась возле куста. Преследователи могли видеть Джиминга, Цао Дунфэна, а также девушку и Шашу которая еще плакала.

«Я не хочу бежать. Если я убегу, то только вместе с тобой, я не оставлю тебя ... »

«Я же сказал тебе, поторопись и убегай! Я останусь, и задержу их! Ты меня уже достала, просто потеряйтесь!»

«Нет ... я не хочу ...» Шаша покачала головой, ее лицо было покрыто слезами: «Я не уйду. Ты никогда не кричал на меня раньше, и я знаю, что ты хочешь, чтобы я смогла убежать сама, но я не хочу ... Это из-за меня, тебя избили, если бы только мой отец не был частью преступного мира ...»

«Почему ты так много говоришь, просто убегай!» - сказал Джиминг, и ударил Шашу в живот. Он не использовал много сил, но Шаша никогда не думала, что он ее ударит. Она шагнула назад на несколько шагов, прежде чем упасть на покрытую листьями землю. Сжимая живот, она печально вскрикнула: «Джиминг, ты меня ударил ...»

«Я ...» Джиминг сделал паузу, затем наконец расслабил свои напряженные мышцы и ненадолго вернулся к своему трусливому «я». Его руки сильно задрожали: «Я ... мне жаль ... Это, Шаша, я очень напуган, и только один из нас может убежать ... Поскольку я взял Цао Дунфэна, они обязательно последуют за мной, поэтому мы должны разделить ...»

Разумный тон, который он использовал, постепенно менялся, и он начал задыхаться: «Шаша ... Я боюсь получить травму, и я боюсь смерти. Мне нравится быть вместе с тобой и Линджинг, если я умру, я не смогу увидеть вас обоих снова ... Раньше, когда меня били, я почти не мог сдерживать стоны, но потом мне было так больно, что я заплакал. Я мужчина, поэтому иногда я не могу сдаться, и я не могу плакать ... И потому, что я мужчина, я остаюсь. Если тебе удастся убежать, то позвони в полицию, чтобы спасти меня. Скоро наступит ночь, так что Шаша, тебе нужно отсюда убежать...»

Увидев состояние, в котором находился Джиминг, она закричала еще сильнее, но в конце концов сказала: «Хорошо ... Я обязательно позвоню в полицию, но Джиминг, ты должен пообещать мне, что сбежишь и не дашь себя поймать».

«Ммм, я обязательно уйду».

«Также ... не мог бы ты ... поцеловать меня ...».

«Хм?» Джиминг был очень удивлен ее просьбой, и чуть было не сбросил свою маска притворства. К счастью, это был вечер, поэтому света было мало, и Шаша не смогла ясно увидеть его лицо.

Пока он был поражен ее просьбой, он почувствовал, как губы Шаши сцепились с его. Ее язык задвигался и облизнул кровь Джиминга, затем она яростно вытерла слезы и побежала в лес, тихо рыдая.

Эх ... есть большая разница между чувством слюны и крови ...

Шаша оставила за собой слюну, когда она слизала его кровь. Почувствовав это, он поднял бровь и посмотрел на Цукичи Каору, которая стояла позади него.

Они посмотрели друг на друга, и их глаза встретились. Поскольку она не понимала китайский язык, она продолжала следовать за Джимингом. Однако в этот момент она вдруг поклонилась и произнесла сладким голосом: «Аригато (спасибо)», затем повернулась и медленно убежала в другом направлении.

Еее... что это было ...

Джиминг был несколько ошеломлен, так как казалось, что она неправильно поняла его взгляд. Когда ее схватили, старик сосредоточился на том, чтобы избивать ее ногами, поэтому, несмотря на то, что она стиснула зубы и заставила себя следовать за ним, ее мобильность была сильно ограничена. Джиминг только посмотрел на нее, чтобы подумать о том, как помочь ей убежать, но Каору она подумала, что является бременем для этого мальчика. Хотя Джиминг только притворялся, в ее глазах он был тем, кто не получал такого же обучения, как и она. Несмотря на то, что он был жестоко избит и сумел еще действовать, она увидела, что его тело дрожит от страха. Она восхищалась тем, что он смог привести двух девушек в это место, даже когда их окружало столько врагов.

Поскольку их враги были достаточно мощными, попытки избежать этого состояния в принципе были невозможны. Способности этого мальчика были довольно ограничены, и она не хотела

тащить его вниз. Несмотря на то, что у нее был только один шанс на спасение, она все еще хотела попробовать ...

Из леса Джиминг наблюдал за многими подчиненными, наблюдавшими за ним, а Цао Цзинхао пристально смотрел на часы. Примерно через десять минут после того, как Шаша сбежала, Цао Цзинхао громко закричал: «Она ушла и уже прошло 10 минут! Отпусти его, сейчас же!»

За кустом, Цао Дунфэн почувствовал, что кинжал за спиной сдвинулся, и он поспешно сказал: «Джиминг, теперь все в порядке. Ты должен поспешить и убежать, я гарантирую, что никто не будет тебя преследовать. Если ты сейчас уйдешь, ты еще сможешь убежать.»

Он прислушался к тому, что сказал Джиминг Шаше, и подумал, что Джиминг находится в состоянии паники. Однако, когда он повернулся и увидел выражение Джиминг, он понял, что совершил огромную ошибку ...

Дрожание, которое он продемонстрировал перед двумя девушками, исчезло, и Джиминг подошел к юноше перед ним с непринужденным взглядом и намеком на злую ухмылку на лице.

«Раньше ... Тебе было весело избивать меня?»

«Я ... я ...»

«Расслабься, я не буду бить тебя, и я не убью тебя. Я только ... научу тебе, что значит по-настоящему страдать и отказаться от всякой надежды - истинного чувства отчаяния ».

Цао Дунфэн не получил возможности полностью понять это предложение, прежде чем Джиминг ударил его по затылку рукояткой кинжала, вырубив. Затем он поднял упавшего в обморок мальчика и скрылся в темноте леса.

За лесом Цао Цзинхао и его люди безучастно смотрели на тело Цао Дунфэна, внезапно упавшего на землю, а затем Джиминга поднявшего его и исчезнувшего вместе с ним.

«Следуйте за ним!»

Удерживая мачете и железные пруты, толпа людей полетела в лес, а старый японский человек ускользнул туда, где исчезла Цукичи Каору.

С заходом солнца за горы, последний луч солнечного света постепенно исчез за горизонтом. В сумерках, лес был похож на дикого монстра, проглотившего всех, кто в него вошел...